

В классе три седьмом старшей школы Хуасинь Цзян Нань до хрипоты срывала голос, но по-прежнему не могла унять шум и гам учеников — их крики напрочь заглушали её собственный. Будучи классным руководителем Седьмого класса, Цзян Нань перепробовала множество способов усмирить их, но стоило дойти до дела — всё оказывалось бесполезно.

Цзян Нань согласилась возглавить этот класс, от которого шарахались все преподаватели в школе и которого страшились до глубины души, лишь потому, что её собственные позиции были недостаточно сильны.

Подавляющее большинство учителей в Хуасинь обладали выдающимся происхождением. Им не распределяли кабинеты сверху — педагоги с весомым тылом выбирали их сами, один за другим, слой за слоем.

Цзян Нань же не имела за душой ничего, кроме возможности подбирать то, что оставалось после остальных, — кривой да косой бурьян.

Цзян Нань бесчисленное количество раз хотела подать в отставку, но по глупости в юности соблазнилась деньгами и пожелала прославиться в один миг. Совершив огромную ошибку, она подписала с Хуасинь контракт на целых десять лет.

Нынешний год был для неё в Хуасинь лишь вторым.

Цзян Нань не смела легкомысленно уволиться: в договоре чёрным по белому прописывались пункты о баснословной неустойке, которую придётся выплатить в случае разрыва контракта.

Происхождением она не вышла, влиятельной родни не имела, и пробиться наверх в Хуасинь ей было практически нереально — оставалось лишь скрепя сердце тянуть лямку классного руководителя Седьмого класса.

Более девяноста девяти процентов учеников Седьмого класса составляли дети из богатых семей, чьи жизненные пути родители проложили давным-давно.

В школу они ходили лишь ради того, чтобы заиметь корочку о среднем образовании, целыми днями маялись от безделья да время от времени развлекались за счёт других ребят.

Это обстоятельство доставляло Цзян Нань немало головной боли.

Оставшийся же один процент учеников в классе был для Цзян Нань источником жгучей беспомощности: ей оставалось лишь бессильно наблюдать, как одного за другим их доводят до ухода из школы.

Глядя в классном журнале на имена, которые она собственноручно вычеркнула, Цзян Нань испытывала целую бурю смешанных чувств.

Не прошло и месяца с начала учебного года, а это был уже десятый ребёнок, которого затравили и вынудили бросить учёбу.

Цзян Нань сопереживала им — их попросту сломали.

Вся их жизнь теперь пройдёт во мраке, их судьбы были разрушены до основания.

Власть? Происхождение? Её собственная трусость и неспособность дать отпор? Или их наглость и вседозволенность?

Слишком много неопределённых факторов сплетелось воедино, и Цзян Нань окончательно разочаровалась в этой работе.

Она повидала слишком много несправедливости.

Опустив взгляд, она увидела перепечатанный классный журнал: вычеркнутые имена, а чуть ниже — добавленная новая строчка с незнакомыми иероглифами.

Цзян Нань была не в силах изменить подобное положение дел. Подавленная, она уставилась в журнал и долго не могла прийти в себя.

Пока до её слуха не донёсся звук звонка. Подняв голову, Цзян Нань взглянула на время: начался урок.

Однако класс вовсе не собирался обращать внимание на звонок — напротив, хохот и издевки стали ещё громче. Цзян Нань лишь бессильно вздохнула.

Затем, с глазами, полными усталости, она повысила голос и произнесла:

— Ребята, тишина. К нам в класс сейчас придёт новый ученик...

Не успела Цзян Нань договорить, как в классе воцарилась странная, зловещая тишина. Цзян Нань давно к этому привыкла, но ей было по-человечески жаль новенького: он неизбежно превратится в очередную игрушку, от которой эти садисты не устанут развлекаться, пока участь его не повторит судьбу остальных.

Она лишь молилась, чтобы этот новичок сумел тихо-мирно, без потрясений пережить последний учебный год.

Этот год имел решающее значение — это был их единственный шанс перешагнуть на ступень выше.

Тем временем парочка учеников внизу уже вовсю использовала нового ученика как повод для споров, поднимая шум.

— Как думаете, сколько он протянет под нашей заботливой опекой?

— Прошлый не продержался и трёх дней, ставлю на то, что этот и двух не выдержит.

— На что спорим?

— Давайте на то, кто из нас быстрее и решительнее возьмётся за дело и как следует его «походит»?

— Я за.

.....

Тишина в классе не продержалась и пяти секунд. Зрачки Цзян Нань сузились в разочаровании, она с бессильным вздохом покачала головой: с каждой секундой момент появления новичка приближался неотвратимо.

Цзян Нань с тоской уже было собралась перевести взгляд на за окном — туда, где ветер раскачивал ветви и срывал последние пожелтевшие листья, — но не успела она поднять голову, как класс мгновенно затих.

Цзян Нань поняла: пришёл новый ученик.

Она не стала сразу смотреть новенькому в лицо — лишь проводила взглядом исчезнувший за линией видимости пожелтевший лист и лишь потом медленно повернула голову.

Появление Ли Чу было вполне ожидаемым для Цзян Нань.

В переводе Ли Чу замешаны закулисные интриги: кто-то из влиятельных и властных учеников класса лично затребовал его появление в Седьмом классе.

Если говорить на чистоту, они просто заинтересовались им.

Цзян Нань сочувствовала Ли Чу: он выглядел куда более хрупким и тощим, чем прежние ученики, которых довели до ухода из школы. По большей части эта худоба была следствием банального недоедания.

Получив известие о переводе Ли Чу в Седьмой класс, Цзян Нань тайком навела справки о его

семье.

Ей хотелось, чтобы этот год прошёл для Ли Чу спокойно, но, вчитавшись в скудные строки графы о происхождении парня, она погрузилась в мрачные раздумья.

Она слишком долго позволяла им творить всё, что вздумается. Но когда она увидела одинокую, хрупкую фигурку Ли Чу, так напоминавшую её собственную в юности, в ней на мгновение проснулось желание дать отпор.

Ей захотелось попытаться положить этому конец, пусть даже ценой собственной жизни...

Она искала брешь в их обороне.

Под сотнями прикованных к нему взглядов Цзян Нань провела Ли Чу в самый центр учительской платформы. Ощущая, как от хищных взглядов из зала у неё на затылке шевелятся волосы, она всё же была обязана представить его классу:

— Этого ученика зовут Ли Чу, отныне он станет новым членом нашего коллектива.

Едва голос Цзян Нань смолк, как внизу нетерпеливо захлопали в ладоши, принимаясь наперебой выкрикивать одобрительные возгласы, а кое-кто даже свистнул.

Обведя класс беглым взглядом, Цзян Нань составила примерное представление о характере каждого из присутствующих.

По её мнению, самое опасное место зачастую оказывалось самым безопасным.

Взгляд Цзян Нань скользнул к окрестностям парты Цзян Го и, заметив перед ним пустой стол, она удовлетворенно кивнула.

— Ли Чу, садись вон за ту парту!

Направление, указанное Цзян Нань, повергло весь класс в абсолютное молчание — на лицах учеников отразился неподдельный шок.

Ли Чу ленивым взглядом окинул то, куда указывала учительница.

Это оказалось место у стены — подобное расположение позволяло сократить до минимума ненужные разговоры, и Ли Чу это вполне устраивало.

Странно было другое: пространство вокруг этой парты зияло пустотой. Казалось, все соседи

поотползали от неё подальше, припав лицом к столешницам сзади и спереди.

Пространства спереди, сзади и по бокам было хоть отбавляй — впрочем, просторы класса позволяли рассаживаться как угодно, и это никому бы не мешало.

Не желая вдаваться в лишние догадки, Ли Чу приподнял бровь.

Устав от ощущения тяжести назойливых взглядов на своей спине, он помедлил немного и, дождавшись подтверждения от Цзян Нань, направился к своему месту.

Устроив Ли Чу, Цзян Нань почувствовала, как её напряжённое тело немного расслабилось, и легко выдохнула.

Ли Чу ничуть не тушевался в незнакомой обстановке — он давно привык к постоянной чехарде мест и обстоятельств.

Опустившись за парту, он мгновенно погрузился в сон.

Настолько глубокий, что даже не заметил нескольких знакомых лиц.

Те самые парни, которые недавно загнали Ли Чу в заброшенное здание и жестоко над ним издевались, теперь переглядывались многозначительными намёками, а на их лицах играли невыразимые улыбки.

Они как раз обсуждали план действий — как именно расправиться с Ли Чу.

— Это Брат Цзян его сюда притащил?

— Спорим, что он.

— Ну, теперь будет весело.

— Руки чешутся испытать новые функции у этой «игрушки».

— Что, в прошлый раз еще не наигрался?

Едва эти слова прозвучали, как те двое, что в прошлый раз укусили его за самое сокровенное и за ухо, синхронно переглянулись, после чего один из них произнес свирепым и решительным тоном:

— «Игрушка» против «игрушки».

— Затеяливо вы развлекаетесь.

— А ты разве не ждёшь не дождёшься?

— Еще бы! От одной мысли мурашки по коже. Может, добавим ещё парочку «игрушек»? Я готов купить.

— А не боишься, что мы его того... загоняем до смерти?

— Чего бояться-то, разгребать последствия всё равно не нам.

<http://bllate.org/book/22343/2340953>